

* * *

Представленная нами картина проблем и достижений болгарской исторической лексикологии показывает, что это еще молодая (хотя ей уже один век) научная дисциплина, которой теперь предстоит раскрыть необъятный и сложный мир огромного лексического богатства нашего языка.

Перевод Е.А. Баньковой.

Житието на св. Петка от Патриарх Евтимий // Български език. 2010. № 3. С. 31–40; *eadem*. Концептът *грях* в езика на новобългарските дамаскини // Известия на Института за български език. Т. 27. 2014. С. 113–129; Мичева–Пейчева К. Семантичната опозиция *чист–нечист* в старобългарските класически произведения // Изследователски хоризонти на българската лингвистика. София, 2014. С. 231–238; Първанов К. Концептът *богатство* в старобългарския език // Български език. 2012. № 4. С. 55–62.

Б. ТАФРА

Загреб, Хорватия

Лексико-семантические связи в хорватском языке в диахронической перспективе

1. Введение

В развитии лексики в славянских языках наблюдается много общего, так как большая часть лексики была унаследована из праславянской эпохи, а в дальнейшем она пополнялась заимствованиями из других языков, путем словообразования, калькирования, а также с помощью таких семантических процессов, как онимизация, деонимизация, деполисемизация¹. И все же в каждом отдельно взятом языке процессы формирования новой лексики различны. Так, для развития хорватской лексики важны языковые контакты и влияние определенных культурных сфер, прежде всего средиземноморской, средневропейской и западноевропейской, а также балканской, т.е. славянского круга кирилло-мефодиевской письменности. Ранняя форма существования хорватской письменности на трех языках, латинском, церковнославянском и народном, оставила большой след в лексике. Хорватский литературный язык на штокавской основе, на базе которого сформировался современный хорватский стандартный язык, развивался с эпохи Возрождения, и поэтому достаточное количество слов, помимо обычного калькирования и заимствования, формировалось по словообразовательным законам штокавской системы. Большинство древнехорватских произведений содержит лексику, которую следует рассматривать как соединение исторических культурных связей и литературно-языковых конвергентных сил, объединявших литературные вы-

¹ *Tafra B., Košutar P.* Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku // *Suvremena lingvistika*. 2009. Vol. 35. № 67. S. 87–107.

ражения на различных диалектных основах. Это отличает исторический путь лексики хорватского языка от других языков, что отразилось и на лексико-семантических связях в лексике, которые, хотя и являются универсальными, показывают такие специфические черты, как, например, появление богатой лексической и грамматической синонимии при соприкосновении нескольких литературных хорватских микроязыков. Синонимия является результатом исторического развития языка. В случае хорватского языка это был результат, в первую очередь, соединения трех наречий и культурного соприкосновения с другими языками, а также развития лексики семантическим и словообразовательным путем, т.е. путем ее функционального разделения.

В этой работе мы будем исследовать семантические связи в хорватском языке, прослеживая развитие хорватской лексики на примерах из древних хорватских двуязычных и многоязычных словарей, а также и из литературных произведений. В кroatистике часто даются примеры синонимических рядов, чьи члены принадлежат или разным диалектам, или разным временным отрезкам, однако еще не был поставлен теоретический вопрос о том, во всех ли случаях речь действительно идет о синонимах? Возможно, в центре внимания находятся другие виды лексико-семантических связей или никаких семантических связей между лексемами вообще нет? Диахронической лексикологии требуется много сложных исследований, когда в центре изучения находится одно-единственное слово². В данной работе мы хотим поставить несколько теоретических вопросов в качестве предпосылки к системным историческим лексикологическим исследованиям. Подробнее всего мы остановимся на синонимии как на главной отличительной черте истории хорватского литературного языка, а именно на примерах лексических рядов, которые относятся к одному референту. Так как о паронимии не писали ни с точки зрения синхронии, ни тем более с точки зрения диахронии, мы проиллюстрируем развитие паронимических отношений на примере десинонимизации. Нас также интересуют, как лексикографы раньше работали над синонимией, омонимией и полисемией и могут ли их взгляды об этих лексико-семантических связях соответствовать современным теоретическим и методологическим положениям. Особенно нас интересует, являются ли критерии, которые будут нами выделены, универсальными и являются ли они вневременными, т.е. одинаково действительными и для синхронии, и для диахронии.

2. Теоретические положения

Теоретическая лингвистическая литература о лексико-семантических связях огромна³, поэтому вполне понятно, что там высказываются различные точки зрения на один и тот же вид лексико-семантических связей. Некоторые из этих точек зрения являются спорными, и поэтому сначала необходимо определить хотя бы главные теоре-

² Кайперт исследовал лексику в *Данице иллирийской*, журнале, который сыграл ключевую роль в стандартизации хорватского языка в XIX веке. Для того, чтобы получить достоверные результаты, ему было необходимо сравнить немецкие, сербские, чешские ... источники. Только так, после обширного исследования, он смог верно ответить, как, например, в хорватский язык вошло слово *gledište* (*Keipert H. Prevodenje iz druge ruke u Gajevoj "Danici ilirskoj" // Obzori preporoda: Kroatističke rasprave. Zagreb: FFpress, 2014 [2008]*).

³ Количество такой литературы увеличивается с большой скоростью. Еще Апресян указывал, что лексической синонимии посвящены тысячи теоретических статей (*Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 216*).

тические положения, которых мы будем придерживаться в настоящем исследовании, а также сразу сказать и о сомнениях, которые возникают при их определении. О лексико-семантических связях можно говорить только тогда, когда соблюдены три предва- рительных условия:

- а) один лексико-грамматический разряд;
- б) один идиом;
- в) один временной отрезок лексического развития.

Эти критерии являются основой для того, чтобы лексемы вообще могли вступать в синонимические, омонимические, паронимические и антонимические связи. Только в случае выполнения этих условий далее проверяются критерии для каждого отдельного вида лексико-семантической связи. Для синонимии этими критериями являются различающаяся форма, но близкое значение, для омонимии – одинаковая форма (в хорватском языке это омофонные омографы) и различающееся значение без какого-либо общего семантического признака (у них нет ни одной общей семы), для антонимии – различающиеся форма и значение, но с наличием хотя бы одного общего семантического признака, благодаря которому значения антонимов являются противоположными. Для паронимии критериями выступают: сходство формы и значения вследствие принадлежности к одной словообразовательной семье. Паронимы обладают сильным потенциалом к взаимозамещению, однако их замена является нарушением языковой нормы.

Данные критерии ясны, однако вопреки этому многие примеры являются пограничными, т.е. могут быть растолкованы по-разному. Даже такой серьезный критерий, как один лексико-грамматический разряд (одна и та же часть речи), иногда бывает спорным, так как границы между словами в некоторых случаях неочевидны, особенно когда речь идет о конверсии, о переходе слова из одной части речи в другую, о нулевой деривации⁴. Самым спорным при этом является вопрос о разграничении числительных от других частей речи, так как в этом случае оспаривается даже статус самостоятельного лексико-семантического разряда. Однако именно лексико-семантические связи могут помочь в определении грамматического статуса конкретного слова. Учитывая то, что числительные, особенно в славянских языках, являются очень интересной частью речи и в морфологическом, и в синтаксическом плане, несколько в стороне остался тот факт, что они не вступают в лексико-семантические связи⁵ и что это может быть вспомогательным критерием для их идентификации как части речи. Например, застывшие формы винительного падежа *stotinu* ‘сотня’, *tisuću* ‘тысяча’ и т.д. в хорватском языке употребляются как количественные числительные в выражениях *tisuću sto druge godine* ‘в тысяча сто втором году’, *s tisuću kuna ne možeš kupiti računalo* ‘с тысячей кун не можешь купить компьютер’, *bez tisuću kuna ne idi u veliku kupovinu* ‘без тысячи кун не ходи в большой магазин’. Это доказывает то, что эти слова являются количественными числительными и что это уже не форма косвенного падежа, а новая часть речи. Семантический процесс развития слова от его облика до нового слова и до перехода в новую часть речи⁶ протекал следующим образом:

⁴ *Tafra B.* Konverzija kao gramatički i leksikografski problem // *Filologija*. 1998. № 30–31. S. 349–361.

⁵ *Tafra B.* Što su brojevi (gramatički i leksikografski problem) // *Rasprave Zavoda za jezik IFF*. 1989. 15. S. 219–237.

⁶ Аналогично словообразованию с помощью морфем, новое слово может считаться двухступенчатым семантическим дериватом.

деграмматикализация → лексикализация → конверсия.

Этот процесс начался давно, так как в старославянских текстах можно найти примеры именно застывшей формы винительного падежа в номинативной функции: *tri desęti* и *ętyri desęti*⁷. В роли количественного числительного слово *tisuću* ‘тысяча’ (конечно, и *stotinu* ‘сотня’, *milijun* ‘миллион’, *milijardu* ‘миллиард’, *bilijun* ‘миллиард’...) является моносемичным, у него нет синонимов, антонимов, омонимов, а поэтому его содержательные и содержательно-выразительные связи можно считать нулевыми.

Невозможность синонимически объединить количественные числительные *stotinu*, *tisuću* и т.п., когда они обозначают точное количество, вызывает вопрос о том, к какой части речи принадлежат слова *stotinu*, *tisuću* в примерах *stotinu sam ti puta rekao* ‘я сто раз тебе сказал’, *glava ju boli od tisuću problema* ‘у нее болит голова от тысячи проблем’. В вышеприведенных примерах их можно заменить синонимичными наречиями *mnogo* ‘много’, *bezbroj* ‘множество’, *puno* ‘много’. Возможность субституции является одним из главных критериев при определении синонимии, т.е. синонимическая замена может являться условием для того, чтобы мы отнесли эти слова к наречиям. Иначе говоря, для определения меньшего или большего количества, которое нельзя точно установить, используются количественные наречия, но очень рано стали употребляться и «округленные» числа при обозначении большего количества. Так, для числа 10 000 (греч. *μυριάς*) существовало особое наименование *тъма* ‘тъма’, которое обозначало очень большое количество, «необозримое множество, большое количество». Скок (см. *tma*) обнаруживает параллель в тохарском языке, в слове *tumane*, а также и в турецком слове *tuman*. В хорватском языке слово *тъма* употребляется еще в XIV веке⁸, например, в Молитвеннике Вита Омишлянина (BrVO)⁹ находим *тъма grêhovъ* и *tmê ĉ(lovê)къ* на месте греческого (*δέδεκα μυριάδες*) и латинского числительного (*centum viginti millia hominum*) (Иона 4,11). Этот пример подтверждает, что всегда было невозможно подсчитать большое количество объектов и что это количество обозначалось числительными или существительными, а сегодня еще и наречиями. Границы частей речи в диахроническом плане нестабильны. Увеличивается число слов, возникших с помощью конверсии. В некоторых славянских языках этот процесс представлен сильнее (например, в хорватском и русском), а в других – слабее (например, в польском). Наблюдая развитие числительных в хорватском языке, обнаруживается сильная динамика в развитии лексики. Это демонстрирует следующая таблица:

диахрония	морфология существительные —————> числительные, наречия (изменяемые) (неизменяемые)
синхрония	семантика числительные —————> существительные, наречия (определенное количество) (неопределенное количество)

⁷ Damjanović S. Staroslavenski jezik. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.

⁸ Hamm J. Staroslavenska gramatika. Zagreb: Sveučilište u Zagrebu, 1963. S. 151.

⁹ Brevijar Vida Omišljanina. Beč: Österreichische Nationalbibliothek. 1396. Cod. slav. 3.

Так, от старославянских изменяемых частей речи (существительных) в ходе истории появились две неизменяемые части речи – числительные и наречия. От числительных же, если смотреть в синхронном плане, вследствие конверсии образовались существительные и наречия, хотя и этот процесс также является историческим. Такие слова мы не считаем омонимами, так как у них нет общего семантического признака, даже с учетом того, что они принадлежат одной словообразовательной семье. Их не связывают парадигматические отношения, и поэтому они не могут быть ни изменяемыми, ни неизменяемыми в одном и том же контексте, хотя многие лингвисты считают конверсию главным способом возникновения омонимии¹⁰. Эту точку зрения можно оспорить, так как слово, которое образовывается путем конверсии, имеет с основным словом хотя бы одну общую сему, что является не только условием для конверсии, но и основным препятствием для установления омонимических связей, которые основываются на семантическом несоответствии. И в конверсии, и в омонимии речь идет об омографах¹¹ и о невозможности их взаимозаменяемости в одном и том же контексте, однако в первом случае они принадлежат двум разным частям речи и совпадают по значению, а в другом случае они относятся к одной части речи и имеют разное значение.

Что касается второго критерия, принадлежность одному идиому, ответ на вопрос о том, что же понимается под одним идиомом, может быть неоднозначным. Хорватский язык, по отношению, например, к чешскому языку является другим идиомом, диалект по отношению к литературному языку – также другой идиом, язык Мирослава Крлежи можно считать особым идиомом по отношению к языку Тина Уевича, хотя оба и писали на хорватском языке. Определяя границы синонимии, намечается еще один теоретический вопрос. Иначе говоря, если мы считаем, что синонимами являются слова внутри одного идиома, является ли каждый перенос текста из одного в другой идиом переводом, идет ли речь в этом случае о семантических эквивалентах, а не о синонимах, как это рекомендует литература? Хорватское слово *glagol* по отношению к чешскому *sloveso* является семантическим эквивалентом, точно так же, как и хорватское слово *rod* по отношению к чешскому *rod*. Слова *glagol* и *sloveso* не являются синонимами, хотя обозначают одно и то же явление, но ни хорватское слово *rod*, ни чешское *rod* не являются одним и тем же словом, и в обоих случаях чешские слова переводятся на хорватский язык. Согласно установленным критериям, в хорватском стандарте *pomidor* и *rajčica* ‘помидор’, *vanjkuš* и *jastuk* ‘подушка’, *avlija* и *dvorište* ‘двор’ не являются синонимами, так как только второй член этих пар принадлежит стандартному языку, в то время как первый – диалектам (*pomidor* принадлежит чакавским диалектам, *vanjkuš* – кайкавским, а *avlija* – штокавским), а следовательно, другим идиомам. В стандартном языке синонимами также не являются слова *glava*, *bulja*, *čelenka*, *tikva*, *tintara* ‘голова’; *kosa*, *flora*, *griva*, *skalp*, *zurka* ‘волосы’; *jedinica*, *kolac*, *kulja*, *kec* ‘единица’¹², так как только *glava*, *kosa*, *jedinica* принадлежат стандартному языку, а осталь-

¹⁰ Ahmanova 1957, Koteljnijk1982, Lakova 1995 в: *Tafra B. Konverzija kao gramatički i leksikografski problem // Filologija. 1998. № 30–31. S. 349–361.*

¹¹ Отступление в таких примерах, как *sljedeći* и *sljedeći* можно оставить без внимания, так как графема для обозначения старого ѣ могла быть и другой, например, *ě*, и омография не была бы нарушена.

¹² *Samardžija M. Leksikologija s poviješću hrvatskoga jezika. Udžbenik za 4. razred gimnazije. Zagreb: Školska knjiga, 1995. S. 20.*

ные слова относятся к жаргону. Итак, с точки зрения синхронии, территориальное (*magarac, tovar*) и временное (*smrdiš, bromid*) расслоение лексики сужает область синонимии, в то время как стилистическое расслоение (*urin, mokraća* ‘моча’) внутри стандартного языка не должно быть препятствием для синонимических связей. С диахронической точки зрения эти границы выглядят иначе.

Если рассматривать семантические отношения в лексике подобным образом, то тогда перенос текста из одного идиома в другой являлся бы *переводом*. Не углубляясь в лингвистические проблемы определения статуса хорватского и сербского языка и их отношений в XIX и XXI веке, Ковачич¹³, исследовал два издания *Нового Завета*, одно из которых является переводом Вука Стефановича Караджича, а другое – хорватским изданием, подготовленным Богославом Шулеком на основе перевода Вука по просьбе Британского и зарубежного Библейского общества. В результате своего анализа он сделал вывод, что речь идет о переводе литературного идиолекта Караджича на идиолект Шулека. Так, например, и штокавская песня на чакавском наречии является переводом. Богатова¹⁴ также считает, что перевод (лексически, стилистически и т.д.) возможен и внутри одного языка. Этот критерий легче применять по отношению к современным идиомам, так как у нас есть о них гораздо более ясное представление, чем о прошлых, и так как существует кодификация норм, согласно которым в хорватском стандартном языке один и тот же статус следовало бы иметь словам *arija* ‘воздух’ (заимствование в чакавском наречии), *vazduh* (сербский), *air* (английский), *luft* (*Luft*, немецкий). Ни одно из этих слов не входит в стандартный язык, хотя все они и употребляются. Например: *Hòdi vãn na âriju* ‘Выйди на воздух’¹⁵; *Ona širi ruke, i, mjesto krvi i mesa, grli vazduh i mrak* ‘Она стирает руки, и вместо крови и мяса обнимает воздух и мрак’ (Матош)¹⁶; *Šta se bojite pa to je zrak, luft je to!* ‘Чего вы боитесь, это же воздух, воздух это!’ (Шовагович)¹⁷; *Blizu deset tisuća ljubitelja glazbe poznatog Đorđa Balaševića istinski i do kraja bilo je zadovoljno Open air koncertom u subotu navečer u međimurskom selu Domašincu* ‘Около десяти тысяч поклонников музыки известного композитора Джордже Балашевича действительно были довольны open-эйр концертом в субботу вечером в межимурском селе Домашинец’¹⁸. Исследуя синонимию в диахроническом аспекте, мы проверим этот критерий и увидим, будет ли возможно его применить, а если возможно, то насколько при этом нам удастся быть последовательными.

Третий критерий – общий временной отрезок языкового развития – сильнее всего выражается при разработке словарей синонимов, так как «синхронность представляет один из существенных пределов для квалификации лексики с точки зрения синонимических отношений»¹⁹. Словарь синонимов обычно описывает синонимы того периода,

¹³ Kovačić M. Filološki i teološki rad Bogoslava Šuleka na hrvatskom izdanju Novoga zavjeta. Doktorski rad. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2015.

¹⁴ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 83.

¹⁵ Ivančić Dusper Đurđica, Bašić Martina. Rječnik crikveničkoga govora. Crikvenica: Centar za kulturu, 2013. S. 49 (см. ârija).

¹⁶ <http://riznica.ihjj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.12954.Cijelih.16.6.1.0> (доступ 18.10.2015.)

¹⁷ <http://riznica.ihjj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.13146.Cijelih.1.6.1.0> (доступ 18.10.2015.)

¹⁸ <http://riznica.ihjj.hr/philocgi-bin/getobject.pl?c4.13065.Cijelih.128.6.1.0> (доступ 18.10.2015.)

¹⁹ Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. С. 83 (со ссылкой на: Евгеньева А.П. Проект словаря синонимов. М., 1964. С. 10 [отв. ред.]).

в котором он появляется, но иногда и какого-то прошлого, например, вполне мог бы появиться словарь синонимов хорватского литературного языка XVIII века.

Когда мы рассматриваем синонимию или какие-то другие лексико-семантические связи в диахронии, то видим, что в любой период существует некий обмен языковыми элементами между прошлой и современной эпохами, точно так же как и в других областях человеческой деятельности, например, в литературе со временем происходит наложение черт разных стилистических формаций. Поэтому помимо «чистых» эпох, существует много переходных или промежуточных. Некоторое время в употреблении сосуществуют старые и новые слова для обозначения одного и того же понятия точно так же, как сосуществуют старые и новые облики, в результате чего между ними и развивается синонимия. Понятно, что в исторических словарях находится лексика разных эпох, т.е. слова, которые уже перешли в пассивный слой или развились и приняли другой фонологический облик. Так например, Арделио Делла Белла в хорватской лексикографии *Dizionario italiano, latino, illirico ...* (1728, 1785) вполне обоснованно в качестве заглавных слов употребляет слова и прошлых столетий, так как он писал этот словарь на основе лексики Дубровника того времени, т.е. лексики сорока штокавских и чакавских произведений XVI–XVII века. Похожую практику мы находим и в других словарях, но так как в их случае нет свидетельств о том, где авторы собирали лексический материал, то мы не можем считать их историческими. Однако если сегодня в словаре современного языка заглавное слово *abak* ‘счеты’ определяется синонимом *računalo* ‘компьютер’, а слово *lug* ‘роща, пепел’ синонимом *pepeo* ‘пепел’, тогда следует задать вопрос, действительно ли эти пары являются синонимами, ведь носители языка, за исключением редких территорий, сегодня не употребляют слово *lug*, а тем более *abak*, а слово *računalo* является хорватским вариантом слова *komputer*, чем точно не является слово *abak*. Эти два слова сегодня являются архаизмами и не вступают в синонимические связи, хотя в какой-то другой период они могли быть синонимами, например, *pepel*, *lug* в хорватско-латинском словаре *Gazophylacium* (1740) Ивана Белостенца. Это только доказывает то, что не только возникновение, но и распад синонимии является диахроническим процессом, и для каждого времени характерны свои ряды синонимов.

Здесь мы не будем глубже вдаваться в эту проблематику и не будем анализировать различные точки зрения²⁰ о лексических связях, так как для настоящей работы достаточно определить только границы теоретических положений, которые будут дополнены в следующих главах. Необходимо подчеркнуть, что теоретические границы, которые мы здесь очертили, действительны, в основном, для языка *in potentia*, но не действуют *in actu*.

3. Синонимические ряды

Синонимия изучалась с теоретической точки зрения как вид парадигматических отношений между лексемами или с практической точки зрения как выбор между лексемами с близким значением в данном контексте, т.е. возможность их замены и связи с другими лексемами. Под синонимическими рядами мы понимаем две или более лек-

²⁰ Подробнее об этом см. в: *Tafra B. Što su brojevi (gramatički i leksikografski problem); eadem. Od riječi do gječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.*

семы, которые имеют одинаковое значение и которые, следовательно, имеют одинаковую денотацию, принадлежат к одному идиому и одному промежутку времени. Разумеется, они принадлежат и к одной части речи, так как в противном случае они не могут иметь одинаковое значение. Полисемичные лексемы чаще всего вступают в синонимические связи только с одним из своих значений, а не в совокупности своей семантической структуры. Поскольку в контексте всегда осуществляется только одна семема полисемичной структуры, эквивалентность на контекстуальном уровне может именоваться как синонимичность, в отличие от синонимии в языке как системе.

В хорватском языке синонимическими рядами были бы, например, *đavao*, *vrag* ‘черт’; *učenik*, *đak* ‘учение’; *brzo*, *hitro*, *žurno*, *časkom* ‘быстро’. Носители хорватского языка соглашались с тем, что эти лексемы и вне контекста имеют одинаковое значение, что и является подтверждением их синонимичности. Согласно установленным критериям, слова *tovar*, *magarac*, *osel* и *kenjac* ‘осел’, хотя и относятся к одному референту (лат. *equus asinus*, *asinus*), синонимами не являются, так как принадлежат к разным идиомам. Только слово *magarac* относится к стандартному языку, остальные же являются диалектными. Точно так же синонимами не являются слова *vrač* и *liječnik* ‘врач’, *mudroslovlje* и *filozofija* ‘философия’, так как *vrač* и *mudroslovlje* являются архаизмами. В литературе, посвященной лексикологии²¹, такие примеры, по причине того что они относятся к одному референту, провозглашаются синонимами, а точнее – видом синонимии – частичными синонимами. Подобное понимание синонимии и название *частичная синонимия* было взято у Згусты²², который считает, что «идентичность значения, которая необходима для синонимов, можно... понимать двумя способами: или как абсолютную идентичность, или как сильное сходство». По его мнению, синонимия охватывает оба случая, хотя название «синонимия» у него закреплено за абсолютной идентичностью, а в случае сильного сходства «смыслов» он использует термин «частичная синонимия» (*bliskoznačnost*; англ. *near-synonyms*), т.е. синонимия в широком смысле слова. Иначе говоря, очень сложно установить полное тождество значений двух или более слов, и поэтому некоторые лингвисты считают, что «синонимии в более узком смысле не существует, учитывая то, что всегда существует (или можно так предположить) некоторая стилистическая, эмоциональная, социальная и т.д. особенность, которая, хотя бы и немного, но отличает друг от друга слова, являющиеся на первый взгляд тождественными по значению»²³. Берруто считает, что синонимия существует только в широком смысле, в то время как другие лингвисты различают отдельные виды синонимов. Так, например, Крузе²⁴ выделяет три типа синонимов: «the absolute synonyms, the propositional synonyms and the near-synonyms». Нам ближе точка зрения об определении контекстуальных (семантических, синтаксических, морфологических, сочетаемых), прагматических и иных условий нейтрализации различий между синонимами²⁵.

²¹ Ср.: *Samardžija M.* Leksikologija s poviješću hrvatskoga jezika. S. 19.

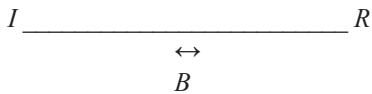
²² *Zgusta L.* Priručnik leksikografije. Preveo Danko Šipka. Sarajevo: Svjetlost, 1991. S. 88.

²³ *Berutto G.* Semantika. Prevela Iva Grgić. Zagreb: Antibarbarus, 1994. S. 85.

²⁴ *Cruse A.* Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 154.

²⁵ *Апресян Ю.Д.* “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка”, предисловие ко второму изданию // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва: Азбуковник. С. 445.

Мнения о синонимии настолько противоречивы, что некоторые лингвисты даже оспаривают само существование синонимов, и при установлении некой идентичности еще со времен античности возникали конфликты. Таким образом, вполне логично, что невозможно найти критерии для определения того, что является близким значением, если очень сложно установить, что является тождественным значением. В хорватском языке синонимию обозначают термином *istoznačnost*, и поэтому необходимо выделить критерии для определения *идентичного* значения. Что-то либо является тождественным, либо – нет, не существует ничего между, поэтому и близкие значения не могут быть подвидом синонимии²⁶. Если под *I* будем понимать нечто одинаковое, а под *R* – различное, невозможно определить, насколько *B* должно быть близко к *I*, чтобы быть близким:

В модели, где частичные синонимы являются отдельным видом синонимов, единственным критерием является возможность или невозможность их взаимозамещения в одном контексте. Вследствие этого при разработке хорватского WordNet, компьютерного лексикона, его основная организационная единица, «синонимическая группа» (т.е. синонимический ряд), была определена как группа синонимов, «устроенная по принципу их взаимозаменяемости хотя бы в одном контексте»²⁷. Члены группы целенаправленно подвергают лексикализации определенный совместный, более или менее общий концепт так, чтобы их значения можно было свести к одной дефиниции.

Следует иметь в виду, что далеко не каждая возможность взаимозамещения является доказательством существования синонимической связи, так как замещение возможно и в том случае, когда речь идет о семантических эквивалентах (слова из двух идиомов). Кроме того, если слова принадлежат к одному семантическому полю или находятся в отношении гипонимии (слова из одного идиома), то такие слова также взаимозаменяемы в одном контексте. В хорватской лингвистике, и не только в ней, это мнение не является распространенным²⁸, так как синонимы чаще всего делятся на полные (хорв. *istoznačnice*), то есть те, которые взаимозаменяемы в любом контексте (обычно это исконные слова и заимствования), и на частичные, неполные (хорв. *bliskoznačnice*), т.е. слова, которые могут быть заменены только в отдельных контекстах. Таким образом, происходит деление на абсолютные и относительные синонимы, или говорится об уровнях синонимии. В действительности же эти уровни смешиваются при выделении синхронии и диахронии, диалекта и стандарта, синонимии (язык, *langue*) и синонимичности (речь, *parole*), что методологически является неправильным. Критерий Апресяна²⁹, согласно которому два слова являются синонимами, если имеют общую дефиницию, а именно если они переводятся одним выражением семантического языка, относится к языку как к системе (*langue*),

²⁶ *Tafra B.* Od riječi do rječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

²⁷ *Raffaelli I., Katunar D.* Leksičko-semantičke strukture u hrvatskom WordNetu // *Filologija*. 2012. № 59. S. 70.

²⁸ «Б. Тафра занимает одну из радикальных позиций по поводу синонимии. В отличие от большинства авторов, которые не признают абсолютные синонимы, она не верит в существование частичных синонимов» (*Драгићевић Р.* Лексикологија српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2007. С. 256).

²⁹ *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 220.

а такие примеры как *anđeo* ‘ангел’, *zlato* ‘золото’, *dete* ‘дитя’³⁰ относятся к языку как к его реализации (*parole*). В тексте нет строгих критериев, синонимичным может быть все (могут быть и синтагмы³¹), что относится к одному референту.

Древнехорватская литература изобилует примерами лексем, которые следуют друг за другом, но при этом являются тождественными по значению. Кроатисты называют их контактными синонимами, их легко заметить, так как они находятся в одном ряду, хотя, конечно, есть и синонимы, рассыпанные по тексту. Это уже является языковой универсалией, а не чертой только хорватского языка. Мы будем называть эти лексические ряды синонимами до тех пор, пока из их анализа не увидим, действительно ли они являются синонимичными рядами. Мы встречаем их на протяжении всей истории хорватского литературного языка, а появляются они уже в первых переводах на старославянский язык. «Решающим фактором для образования синонимов была широкая географическая распространенность первого славянского литературного языка». Авторы первых славянских переводов «допускали и варианты внутри одной словообразовательной системы, и варианты из различных диалектов», поэтому пары синонимов чаще всего составляли словообразовательные дублеты, например, *dobrorodije*, *dobrorodьstvo*³² или пару исконного слова и заимствования, например, *stьklѣnica*, *alavastrь*; *sъtьnikъ*, *kenturionъ*. Если это были два исконных слова, то пару бы составляли старое и новое слово, одно было из глаголического корпуса, а другое – из кириллического: *životъ*, *žizнь*; *otokъ*, *ostrovъ*. Иногда синонимический ряд содержал несколько членов: *kъnigy*, *bukъvi*, *pisъme*³³. Словообразовательные дублеты (*slušalac*, *slušatelj*) и пары заимствований и исконных слов (*kompjuter*, *računalo*) и сегодня являются наиболее типичными парами синонимов.

В нелитургических глаголических текстах, особенно в сборниках, «в том самом популярном типе рукописной книги у глаголяшей, который значительно пережил Средние века»³⁴, синонимия была настолько распространена, что с полным правом можно говорить о желании глаголяшей создать *общий язык* (*lingua communis*). «С помощью введения синонимических пар, где одно слово объясняло другое, старались нейтрализовать диалектные и локальные различия, развитые в инвентаре лексических средств, которые тогда, как и в более поздних эпохах хорватской литературно-языковой диахронии, считались основной преградой к большей коммуникативности литературного произведения и к пониманию письменной речи на просторах всех диалектных обществ»³⁵. Уже в тот ранний период существовало бесчисленное множество примеров синонимических рядов, чьи члены были из разных диалектов. Несмотря на то что чаще всего второй член синонимической пары выполнял объяснительную функцию, существуют примеры, где пары выполняли и стилистическую функцию, что показывает пример из Петрисова сборника 1468 года: «I reku emu anđeli vraž’i ki ga budu držali

³⁰ Драгућевућ П. Лексикологија српског језика. С. 253.

³¹ Туџњава, *fizički obračun*; *zemljovid*, *zemljopisna karta* (Petrović B. Sinonimija i sinonimičnost u hrvatskome jeziku. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005. S. 137).

³² Примеры из глаголицы транслитерированы, а примеры на латинице даны в современной, кроме примеров с ѣ, обозначенным одной графемой во всех случаях, и кроме примеров с неодной значимой графикой.

³³ Damjanović S. Staroslavenski jezik. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005. S. 46–47.

³⁴ Hercigonja E. Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja. Zagreb: Matica hrvatska, 1994. S. 196.

³⁵ Ibid. S. 211.

čto se žalostiš ubogi človeče i kai se mećeš' i zač' trepećeš'»³⁶. Речь идет о стилистическом варьировании церковнославянского, кайкавского и чакавского местоимения *čto*, *zač*, *kaj* 'что'. Херцигоня³⁷ приводит большое количество похожих синонимических рядов: *tuče, gradь* 'град'; *hudi, zali* 'дурной, плохой'; *zove i kliče* 'зовет'; *oprati se, zmiti* 'вымыть'; *napitati, prehraniti* 'накормить' и т.д., среди которых некоторые выполняли объяснительную, а некоторые – стилистическую функцию, например, *sramь, stidь* 'стыд, срам'; *tuge, žalosti* 'печаль, горе'; *hipь, časь* 'час, мгновение'.

Контактные синонимы широко представлены в произведениях протестантских писателей Истрии, у которых была концепция трех наречий литературного языка, т.е. они поддерживали гибридный язык и публиковали труды и на глаголице, и на кириллице. Идея гибридного языка продолжает существовать и в XVII веке вокруг князей Зринских и Франкопанов и формируется на интердиалектной основе, которая появилась в Покупле (озальский литературно-языковой круг), где все три наречия вступили в контакт. Яркий пример нам предоставляет письмо Петра Зринского, которое он пишет своей жене в 1671 году накануне убийства. В нем присутствует много языковых элементов из всех трех наречий, но и одна штокавско-кайкавская пара синонимов: *ja ga budem molil i prosil*³⁸. Глаголы *moliti* и *prositi* 'просить' имеют общее денотативное значение и в том письме являются синонимами. Юрий Крижанич, оказавшись в России, в Тобольске, куда его сослал царь в 1661 году, спроектировал в общеславянской грамматике *Gramatično iskazanje ob ruskom jeziku* идею гибридного литературного языка, перенеся микроситуацию своего родного Покупля, места встречи различных диалектов, на макросистему славянского мира как на место встречи славянских языков.

Хотя в случае хорватского языка можно говорить о чакавской, кайкавской и штокавской литературной стилизации, т.е. о трех литературных микроязыках³⁹, «чистое трехчленное деление нарушают многие древнехорватские писатели»⁴⁰. Богатство разнодиалектных лексических и грамматических синонимов в некоторых случаях дает языку признак гибридности, как например, гибридный чакавско-кайкавский язык нелитургических текстов глаголяшей в XV веке, гибридный язык протестантских писателей в XVI веке или язык озальского литературного круга в XVII веке, а особенно язык всех древних словарей.

Ряды вопросительных местоимений и их дериватов, по которым и получили свои названия хорватские наречия, чакавское, кайкавское и штокавское, являются ярким иллюстративным примером синонимических рядов. Во многих древних хорватских словарях встречаем лексические ряды: *ča, što, kaj* 'что'; *zač, zakaj, zašto* 'почему'. Так, например, латинско-хорватский/хорватско-латинский словарь *Gazophylacium* (1740) Ивана Белостенца относится к числу кайкавских словарей, однако содержит множество некайкавских слов, которые автор маркирует как далматинские (чакавские) и славонские (штокавские), а также включает и местоимения *kaj, što* (см. *quid*), и *zakaj, zašto* (см. *quia nam*). А Андрей Ямбрешич в своем четырехязычном труде *Lexicon*

³⁶ *Hercigonja E.* Tropismena i trojezična kultura hrvatskoga srednjovjekovlja. S. 209.

³⁷ *Ibid.* S. 211–212.

³⁸ *Vončina J.* Jezičnopovijesne rasprave. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1979. S. 197.

³⁹ О понятии *književni mikrojezik* см.: Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Таллин: Валгус, 1981.

⁴⁰ *Vončina J.* Jezičnopovijesne rasprave. S. 7.

(1742)⁴¹ на первом месте употребляет штокавские лексемы, хотя словарь является кайкавским: *što, kaj* (см. quid). Ямбрешич не маркирует происхождение своих контактных синонимов, а только их перечисляет, у него присутствуют слова из всех трех наречий, например, *Vuzem, Vazam, Uskrs* ‘Пасха’ (см. Pasha). Кроме того, Ямбрешичу известно понятие синонимии, так как рядом с латинскими лексемами он дает помету *synon*.

В переводных словарях в языке перевода всегда было достаточное количество синонимов, разве что в хорватских словарях они очень часто принадлежат различным наречиям. В то время как наличие контактных синонимов в словарях вполне объяснимо, их появление в литературных произведениях не настолько ожидаемо, и, тем не менее, они встречаются там регулярно. Так, у Степана Маргитича (1708), боснийского францисканца, читаем: *šipka aliti prut, oštari(j)a aliti kréma, bilig aliti zlamenje, plašt aliti kabanica, barjak aliti orugva, du(v)ar aliti zid, Konštantinopoli aliti Carigrad, šižmatik aliti odmetnik, trgo(v)ište aliti pi(j)aca, figure aliti prilike, čudo aliti mirakulo, juriš aliti naskočen’je, lisica aliti lija, Tilo Gospodinovo aliti Brašančani četvrtak, skula aliti nauk, čatrnja aliti bunar, medika aliti likarija, sat aliti ura, bližnjik aliti susid*. В этих парах синонимов в большинстве случаев один член пары является заимствованием, а второй – исконным словом (*čudo aliti mirakulo* ‘чудо’, *šižmatik aliti odmetnik* ‘раскольник’), которое выполняет функцию своеобразного толкователя для заимствованного слова. Одна часть примеров охватывает разговорную и литературную речь, как например, *du(v)ar aliti zid* ‘стена’, *lisica aliti lija* ‘лисица’. Интересны такие примеры, как пара *barjak aliti orugva* ‘знамя’, где заимствование объясняется через слово, которое Маргитич мог найти у далматинских писателей и которое в его время, вероятно, уже было архаичным, хотя и славянским по происхождению⁴².

Точно так же, как все исторические названия языка (*slovenski, ilirički, ilirski, bosanski, horvatski, slavonski* ...) можно свести к общему понятию – хорватский, так и все литературные микроязыки можно свести к гиперониму – хорватский литературный язык⁴³. Такое терминологическое разграничение необходимо для того, чтобы объяснить статус заимствованных из других диалектов языковых элементов в языке писателей. С современной точки зрения и согласно той же методологии их следует рассматривать в качестве заимствований, так как они пришли из другой языковой системы точно так же, как заимствования приходят из другого языка. Кайкавское слово, которое прижилось в штокавском литературном языке, о чьей лексике мы здесь рассуждаем, должно иметь тот же статус, что и итальянское слово, также закрепившееся в языке (*kukec > kukac* ‘насекомое’; *aria > arija* ‘воздух’). Так, если итальянизм является синонимом для исконно хорватского слова (*napjev*), так и заимствования из другого диалекта являются синонимами в штокавском литературном языке, например: *kupa* ‘кубок, чаша’, *kupica* ‘небольшой кубок’, *ocet* ‘уксус’, *poculica* (головной убор), *tancovanje* ‘танцы’ или *kvasina* ‘уксус’, *vrtao* ‘сад’, *lincun* ‘брезент’, *skalin* ‘лестница’ у Мариана Ланосовича (XVIII век). Пример Ивана Анчича (XVII век) очень хорошо показывает, о чем идет речь: *čardin, aliti giardin, aliti vartao illi cvitchnak*. В этих четырех примерах

⁴¹ *Jambrešić A.* Lexicon latinum. Zagreb. Pretisak. Zagreb: Zavod za hrvatski jezik, 1992.

⁴² *Tafra B.* Raznolikošću do jednosti – franjevački put književnojezične ujednačke. Zbornik o fra Stipanu Margitiću. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu – Institut za latinitet BiH, 2015.

⁴³ Подробнее об этом см.: *Tafra B., Košutar P.* Nova periodizacija hrvatskoga književnoga jezika // *Filologija* 2011. 57. S. 185–204.

мы наблюдаем два вида связей: одна из них представляет собой связь двух языков (*đardin* ‘сад’ : *vrtao* и *cvičnak* ‘сад’), а вторая – связь двух идиомов внутри одного языка (*vrtao* : *cvičnak*). В языке Анчича речь идет о трех синонимах, разве что один из них появляется в двух фонологических вариантах⁴⁴.

Для иллюстрации воспользуемся еще некоторыми примерами из языкового справочника *Neue Einleitung zur slavonischen Sprache* (1778) Мариана Ланосовича, славонского францисканца. Справочник имеет такую же структуру, как и другие похожие европейские справочники того времени: грамматика, словарь, разговорные примеры, образцы писем. В словаре представлены следующие лексические ряды: *stig* (*stjef*), *zastava*, *barjak* ‘знамя, флаг’; *ocet*, *kvasina*, *sirčec* ‘уксус’; *ponjava*, *lincun* ‘рядно, брезент’; *kupa*, *bukara*, *buklija* ‘кубок’; *sapun*, *midlo* ‘мыло’ и т.д. Помимо штокавских и славонских, среди этих слов есть кайкавские (*kupa*, *kupica*, *ocet*, *poculica*, *tancovanje* и т.д.) и чакавские слова (*kvasina*, *vrtao*, *lincun*, *skalin* и т.д.), а также и богемизм *midlo* (чеш. *mýdlo*). Подобным образом автор поступал и в разговорных примерах: *Ja sam šavač (krojač)* ‘я портной’, *Je li gospodin kod kuće (doma)* ‘Господин дома?’, *Divojka je (cura je)* ‘Это девушка’. В XVIII веке, когда работал Мариан Ланосович, хорватский язык еще не был кодифицирован, что может быть оправданием существования таких лексических рядов. В первой половине XIX века и в дальнейшем в хорватских языковых справочниках встречаются похожие лексические ряды со словами из разных диалектов или просто из литературных произведений, будь то современные или древние. Так, например, Игнат Алойзие Брлич, также родом из Славонии, в своем труде *Grammatik der illyrischen Sprache* (1833) приводит достаточное количество лексических рядов, которые не являются характерными ни для одного диалекта, ни для штокавского наречия: *tydan*⁴⁵, *nedylja dana*, *sedmica* ‘неделя’; *kiša*, *dažd* ‘дождь’; *val*, *talas* ‘волна’; *stolyće*, *vyk* ‘век’; *novo lyto*, *nova godina* ‘новый год’; *travanj (lažak)*⁴⁶ ‘апрель’; *tanjur*, *piat* ‘тарелка’; *sirče*, *ocet*, *kvasina* ‘уксус’; *purger (građanin)* ‘горожанин, гражданин’; *komšija (susud)* ‘сосед’; *dućan*, *bolta*, *štacun* ‘магазин’. В концептуальном словаре Брлича, который добавлен к грамматике по образцу европейских двуязычных справочников, находятся и нештокавские слова, например, *bolta*, *pjat*, *štacun*, *kvasina*, *ocet*, *vanjkuš*, или слова для обозначения понятий, которых нет в Славонии, например: *sardela* ‘сардина’, *narandča* ‘апельсин’, *potoranča* ‘апельсин’, *smokva* ‘смоква’ и т.д.⁴⁷

В литературе всегда была и будет синонимия, которая выполняет стилистическую функцию, в то время как контактные синонимы, которые происходят из различных диалектов и находятся в словарях, являются отличительной чертой хорватских словарей преимущественно до середины XIX века, когда хорватский язык был кодифицирован, была основана первая кафедра хорватского языка в высшем учебном заведении (1846) и решением Собора (1847) хорватский язык становится государственным. Контактные синонимы присутствуют в словарях, в которых хорватский язык является языком перевода, в то время как в словарях, где хорватский язык представлен как исходный, синонимы даны под заглавным словом, а не как эквиваленты. Например, в слова-

⁴⁴ Графема *ç* могла обозначать /č/ или /ʒ/, что для данной темы не столь важно (*Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2012).

⁴⁵ Графемой *y* обозначались все рефлексы *ȳ*.

⁴⁶ Названия месяцев не совпадают у всех авторов, поэтому у некоторых авторов *lažak* значит ‘март’.

⁴⁷ *Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja*. Zagreb, 2012.

ре Волтича (1803) есть заглавные слова *ča*, *što* и *zač*, но нет *zašto*. Стулли также (1806) включает *ča*, *kaj* (с данными о том, что это из словаря Белостенца и с отсылкой к *što*), *što*, *zač* (с отсылкой к *zašto*), *zakajzato*⁴⁸. Есть множество и других подобных примеров, хотя речь идет о штокавских словарях. Причина кроется в том, что авторы этих словарей пользовались старыми лексиконами, дело также в том, что они их писали как для штокавцев, так и для нештокавцев.

Похожая ситуация происходила и в недавнем прошлом в Югославии, когда в двуязычные словари, для того чтобы они были более продаваемыми и употребляемыми на всей штокавской территории, включали лексические ряды, члены которых только с виду являлись синонимами, хотя никогда как синонимы и не употреблялись. Они не были маркированы ни как территориальная лексика, ни как варианты⁴⁹. Таким образом, на основе этих словарей можно было прийти к выводу, что синонимами являются, например, *Luft zrak*, *uzduh* ‘воздух’; *Luftfahrzeug* *udušno* (*zračno*) *vozilo*, *avion* ‘самолет’; *Bohne grah*, *pasulj* ‘фасоль’⁵⁰. Яркие примеры нам дает Словарь Матицы хорватской – Матицы сербской, который в 1967 году начал выходить в Загребе и в Новом Саде как совместный проект Матицы хорватской и Матицы сербской. В первой книге словарная статья выглядела так: «*azot m.* = *dušik*, *gas*, *plin bez boje i mirisa*, *jedan od glavnih sastojaka vazduha, zraka*) («азот *m.p.* = азот, газ, газ без цвета и запаха, один из главных элементов воздуха, воздуха»). Когда же Матица хорватская после выхода двух книг прекратила сотрудничество и когда Матица сербская закончила словарь, «синонимия» в нем была утрачена, и словарная статья выглядела следующим образом: «*ugljikovodik m. jedinjenje ugljenika i vodonika*) («углекислый газ *m.p.* соединение углерода и водорода»). Для того чтобы концепция словаря осталась прежней, определение должно было бы выглядеть так: *jedinjenje, spoj ugljenika, ugljika i vodonika, vodika* («соединение, соединение углерода, углерода и водорода, водорода»). Причиной, по которой мы считаем, что у Белостенца слова *hiža* и *kuća* ‘дом’, *kaj* и *što* ‘что’ – синонимы, а слова *uzduh* и *zrak* у Шамшаловича, слова *azot* и *dušik*, *gas* и *plin* в словаре Матицы – не синонимы, является тот факт, что кайкавские слова *hiža* и *kaj* носители хорватского языка, не кайкавцы (например, жители Загреба), считают своими и в некоторых ситуациях могут их употреблять вместо слов *kuća* и *što*. Согласно этому ни в диахроническом, ни в синхронном плане слова *hirurg* и *kirurg* ‘хирург’ в хорватском языке не являются вариантами, а *mrkva* и *šargarepa* ‘морковь’ не являются синонимами.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на основе приведенных примеров не только лексических, но и грамматических рядов в старых словарях и грамматиках можно сделать вывод о том, что речь идет о справочниках хорватского языка, несмотря на то что кто-то в славистике думал или думает и сегодня по-другому, из-за того что язык на обложках чаще всего назывался иллирийским. Доказательством являются лексические ряды, которые характерны исключительно для хорватского языка: *kupica*, *čaša* ‘кубок, чаша’; *kruhar*, *pečnik*, *pekar* ‘пекарь’; *ocat*, *kvassina*, *sirće* ‘уксус’; *kopača*, *motika*, *mašlin* ‘мотыга’; *pisak*, *pržina*, *žalo* ‘песок’; *tovar*, *oslac*, *magarac* ‘осел’; *slovnica*, *gramatika* ‘грамматика’. Наиболее показательными являются ряды вопросительных

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Так же как и в современных английских словарях, дается английский и американский вариант.

⁵⁰ Šamašalović G. Njemačko-hrvatski rječnik. Zagreb: Znanje, 1971.

местоимений, так как только в хорватском языке присутствуют все три вопросительных местоимения: *što, ča, kaj*. Тут непременно следует добавить и грамматические ряды, прежде всего, примеры трех рефлексов ѣ: *vime, vrieme, vreme; snig, snijeg, sneg*, рефлексы редуцированных гласных: *osem, osam*, такие синонимические показатели, как например, родительный падеж множественного числа: *golubov, golubâ, golubî*, творительный падеж множественного числа: *golubim, golubima, golubî*, причастие прошедшего времени: *poslal, poslo, poslao*⁵¹. Контактные синонимы подтверждают тот факт, что понятие *иллирийский* очень часто охватывало более широкое понятие и иногда даже выступало в качестве синонима слов *slavenski* ‘славянский’ и *hrvatski* ‘хорватский’, как указал Белостенец (1740): *Horvat Croata, Illyricus*. Из этого можно сделать вывод, что лексическая и грамматическая синонимия вместе с языковым пуризмом являются главной особенностью истории хорватского литературного языка.

До кодификации хорватского языка функции лексических и грамматических синонимических рядов были очень разнообразными, поэтому мы выделим только наиболее типичные.

а) Произведения были предназначены для читателей, которые являлись носителями различных диалектов, и поэтому авторы брали из всех диалектов слова, которые имели одинаковое значение, а также синонимичные грамматические облики и включали их в общий список. Чаще всего они не приводили данные о их территориальной распространенности, но есть примеры, где они это делали. Наиболее иллюстративным в этом смысле является кайкавский словарь *Gazophylacium* (1740) Ивана Белостенца⁵². В этом словаре представлены слова из Далмации с пометой D., а слова из Славонии с пометой S., *Scl. ili Turc. Scl.*, что обозначает некайкавские слова, например, *pannus sukno* ‘сукно’, (D.) *svita* ‘сукно’, (Tur. Scl.) *čoha* ‘сукно’; *civis varašan, purgar* ‘горожанин, гражданин’, (D.) *građanin* ‘горожанин, гражданин’.

б) Второй член ряда объяснял неизвестные слова. При этом слово могло быть как из другого языка, так и из другого диалекта.

в) Синонимические ряды, лексические и грамматические, а также и ряды фонологических вариантов, особенно различные рефлексы ѣ, выполняли функцию создания надрегионального культурного идиома вопреки большому литературно-языковому плюрализму (несколько литературных микроязыков). Словарь Белостенца, *Gazophylacium*, представляет собой наилучший пример конвергенции трех наречий не только в развитии хорватского языка, но и в создании общего литературного языка, где была представлена и графика, так как графемой для всех рефлексов ѣ была *ě*, а для рефлекса редуцированных – *ě*. Таким образом, фамилию автора, *Bélloszténecz*, можно было читать по-разному. Такие методы уже в XVII веке породили попытку обобщения диахронического (эволюционного) и синхронного (диалектного) разнообразия в один надрегиональный культурный идиом, в один литературный язык не только на уровне хорватского языка (например, Иван Белостенец, Павел Витезович), но и на более широком, славянском уровне (Юрий Крижанич).

⁵¹ *Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja.*

⁵² *Belostenec I. Gazophylacium. Zagreb. Pretisak. Zagreb: Liber – Mladost, 1972.*

г) Синонимы выполняли и стилистическую функцию. Пранич⁵³ «из репертуара стилистических методов, примененных в соответствующих текстах» в литературных произведениях древних эпох хорватской литературы описывает одиннадцать методов, среди которых есть и употребление иностранных и исконных слов, два облика синонимизации, которые автор анализирует как диахронические стилемы. У боснийских писателей-францисканцев XVII–XVIII века эти методы были очень частотными, что мы можем проиллюстрировать несколькими примерами из анализа Пранича. Употребление иностранных слов (*aloglotizacija*) чаще всего относится к романизмам или турцизмам по двум причинам: боснийские францисканцы часто получали образование в Италии, а Босния была под османской властью. Так, Степан Матиевич сначала приводит хорватское слово, а потом иностранное: *Grieh s rođaci svojiemi i ženiniemi, tja do četvrtoga koljena uklapajući jest prikrvje, što Latin zove inčestum*. Ту же последовательность предлагает и Степан Маргитич: *Zašto, nu, promisli svaka koju fali duh sveti i zove ju vrtao, aliti đardin zatvoreni*⁵⁴. У боснийских францисканцев, однако, очень часто турцизмы оставались без хорватского эквивалента, так как они, вероятно, уже являлись освоенной лексикой. В других случаях последовательность была обратной, иностранное слово толковалось через исконное, так как исконные слова обычно были более известны, например, какое-либо церковное или лингвистическое название, в то время как хорватские слова чаще всего были переводными или неологизмами.

Между тем, в литературных произведениях «контактные синонимы были очень громоздкими и мешали, особенно в поэзии, поэтому писатели принимали решение «употреблять такие синонимы лучше на дистанции, например, в одном месте они использовали слово из одного наречия, в другом – слово того же значения, но из другого наречия»⁵⁵.

Мы сейчас не обращаемся к стилистической функции таких примеров, как это делает Пранич, так как нас интересует, в какой семантической связи находятся эти лексемы. Анализируя рукописный *Lexicon* Витезовича, Зрнка Мештрович и Нада Вайс понимали синонимию в очень широком смысле: «Понятие синонимии охватывает целый спектр различных языковых ситуаций, а здесь речь идет о так называемых географических вариантах. Примеры *ča/kaj/što* ‘что’, *koji/gdo/ki/tko* ‘кто’ или *ulika/maslina* ‘маслина’, которые представляют собой синонимы с различной основой и с идентичной семантикой, являются так называемыми контактными синонимами, в то время как выражения *Osek/Osik* ‘Осиек’, *mačić/mečić* ‘котенок’, *orih/oreh/orah* ‘орех’ представляют собой только различные диалектные варианты одной лексемы (чакавско-кайкавско-штокавские облики)»⁵⁶.

Выражения в таком ряду, как *privrzak*, *pribacak*, *pridavanje* и т.д., представляют собой третий тип синонимов. Они являются синонимами в прямом лингвистическом смысле, так как мы можем их изучать как настоящие семантические дублеты и различить у них одинаковое, близкое или похожее значение в двух или более обликах различных лексем, например, *nagovaravac*. *nagovornik*. *nagovoritelj*. *nanudjavac* (см.

⁵³ *Pranjić K.* Iz-Bo-sne k Europi. Zagreb: Matica hrvatska, 1998. S. 26.

⁵⁴ *Ibid.* S. 27.

⁵⁵ *Vončina J.* Analize starih hrvatskih pisaca. Split: Čakavski sabor, 1977. S. 199.

⁵⁶ *Meštrović Z., Vajs N.* Vitezovićeve *Lexicon latino-illyricum*, zapostavljeno djelo hrvatske leksikografije // *Senjski zbornik*. 1994. 21. S. 132.

adhortator 1. 14) ‘подстрекатель’; *privrzak. pribacak. navrzak. pridavanje, pribacenje. navrženje* (см. *adjeetio* 1. 14) ‘придание’; *povojac za rame. ranoveznica* (см. *anadesmus* 1. 30) ‘бинт’; *pâs. pâsci od sablje ali oružja, remeni pâs* (см. *baltheus. baltheum* 1. 57) ‘пояс’; *sike. grebeni morski, plovci. zplovci* (см. *Brevia* 1.63) ‘риф, песчаная гряда’ и т.д.»

В нашей теоретической модели для того, чтобы слова являлись синонимами, им недостаточно иметь одно денотативное значение. Они должны отвечать трем основным критериям. Поэтому первый случай (*ča, kaj, što* и др.) является спорным, если синонимия не ставится в контекст литературно-языковой концепции Витезовича и в определенный период, во вторую половину XVII – начало XVIII века. Спорным является и термин *географические варианты*⁵⁷, так как если варианты относятся к одному и тому же, то они тогда представляют собой два облика одного слова, а здесь речь идет о двух или трех словах. Во втором случае можно говорить о вариантах, если примеры принадлежат к одному идиому, но вариативность не входит в синонимию, и поэтому, например, слова *orih/oreh/orah* не могут быть синонимами именно потому, что являются фонологическими вариантами по отношению к общему этимону. Однако словообразовательные дублеты синонимами являются, как, например, слова *nagovaravac, nagovornik, nagovoritelj*. Границы синонимии вообще невозможно установить, если лингвисты сначала не определяют, анализируют ли они синонимы у одного писателя, в одном литературном произведении, в одном локальном говоре, в жаргоне или в стандартном языке.

На основе анализа примеров лексических и грамматических, одинаковых по значению рядов в истории хорватского литературного языка можно сделать вывод, что не всегда в центре внимания находится синонимия. Речь идет о трех процессах:

- а) внутриязыковое варьирование;
- б) внутриязыковое заимствование;
- в) межъязыковое заимствование.

Внутриязыковое варьирование не является синонимией, но выполняет ту же функцию: для выражения одного значения используется несколько форм. Примером фонологического варьирования являются, например, слова *orih, oreh, orah* ‘орех’ у Витезовича. Чаще всего встречаются примеры различного рефлекса *ѣ*: *sino, sijeno, seno; breg, brig, brijeg; posle, posli, poslije; did, djed; vitar, vjetar*⁵⁸. К современному стандартному языку относится только екавский рефлекс *ѣ*, остальные же относятся к другим языковым системам.

Внутриязыковое заимствование как источник синонимии можно толковать так же, как и заимствование из других языков, так как речь идет о различных идиомах. Но с точки зрения диахронии заметно, что литераторы, а особенно лексикографы, брали весь хорватский язык в качестве одного идиома, не учитывая его диалектного разнообразия. При этом следует помнить, что помимо смешения различных диалектов, существует и смешение различных языковых периодов, так как очень часто писатели используют языковые единицы, которые уже не употребляются и являются частью истории. Наряду с языковыми чертами, которые в развитии хорватского языка рассматриваются в синхро-

⁵⁷ Берутто называет их так же, но предлагает и другое название: *geosinonimi* (Berutto G. Semantika. Prevela Iva Grgić. S. 86).

⁵⁸ *Tafra B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja.*

нии, у писателей регулярно встречаются и такие, которые принадлежат его истории. Например, у Бартола Кашича (1604) присутствуют числительные *jedanadeste*, *petsat*. Здесь речь идет о том, что писатели ориентировались на письменную традицию, которая становится образцом высокого стиля.

В современном стандартном языке приведенные лексические ряды были бы:

1) синонимами, словами из одного идиома, которые имеют тождественное значение, и варианты происхождения которых могут быть следующими:

- а) исконное слово и исконное слово;
- б) исконное слово и заимствование;
- в) заимствование и заимствование.

2) семантическими эквивалентами, словами из двух и более идиомов, которые имеют одинаковое значение.

Между тем, с точки зрения диахронии лексические связи все же представляют собой нечто другое. Данных о взаимном влиянии диалектов, а точнее о разных диалектных и временных характеристиках древнехорватской литературы, очень много в хорватской лингвистике, поэтому это разнообразие не нужно особенно доказывать. Но все же мы не можем не вспомнить, что еще давно Ягич отметил, что подобное смешение было самым обычным явлением. В своей истории хорватской литературы он сделал вывод о том, что местоимение *ča* получило в науке незаслуженную важность, «так как заблуждается тот, кто думает, что с произношением *ča* сразу же узко объединяются и все остальные особенности». Так, существуют тексты, которые являются чакавскими по определенным характеристикам, хотя в них и нет местоимения *ča*. Точно так же и наоборот, есть тексты, где наряду с этим местоимением есть и нечакавские черты. «В любом случае интересно, что во многих боснийских газетах появляются все черты чакавизма, и нет только местоимения *ča*, а позже, в литературе Далмации находим много примеров, где язык является абсолютно новым, но присутствует и местоимение *ča*»⁵⁹. Ягич также указывает на тот факт, что у писателей в одно и то же время сосуществуют местоимения *ča*, *zač*, *nač* вместе с *ništar* или *nišće*. Ученые, стандартизирующие язык, не согласились бы с мнением Ягича о том, что смешение элементов из разных диалектов является «нормальным». Существует большое количество причин, почему историческая междиалектная интерференция должна толковаться иначе, нежели современная.

Предисловие к труду *Ritual rimski* (1604) Кашич, хотя он и был чакавцем, все же пишет на штокавском, т.е. у него *što* или *šta* ‘что’ и *poslao sam* ‘я отправил’, *učio sam* ‘я учился’, но при этом не запрещает Далматинцу говорить *ča* и *poslal sam*, *učil sam*. Это отражает основной исторический литературно-языковой принцип, согласно которому все хорватские идиомы являются возможным источником языкового заимствования в литературный язык. При этом сосуществование старых и новых форм, эквивалентных форм и лексем с одним значением, становится правилом, а не случайностью.

Для того, чтобы было понятнее, о чем идет речь, приведем сравнение с манифестом Людевита Гаия накануне двухлетия *Даницы* (1835), где дана программа: «*Naša slovnica i naš rečnik jest čitava Iliria. U tom velikom vertu (bašči) imade svagde prekrasnoga cvětja, saberimo sve što je najbolje u jedan vënac.*» («Наш словник и наш словарь есть *целая*

⁵⁹ *Jagić V. Iz prošlosti hrvatskoga jezika // Književnik. 1864. I. S. 346.*

Иллирия. В этом великом саду есть все прекрасные цветы, соберем все самое лучшее в один венец»). Манифест обозначен датой «6. prosinca (grudna) 1836.». Таким образом, употребление синонимов *prosinac* и *gruden* ‘март’, *vrt* и *bašča* ‘сад’ показывает, как понимался хорватский литературный язык, что уже много раз наблюдалось в предыдущих столетиях. Параллели очевидны. Иллирийцы в программе использовали один язык для всех южных славян (макроуровень), а кодифицирован был хорватский язык (микроязык). Точно так же и писатели в свой литературный язык включали языковые элементы из всего хорватского языка (макроуровень), что некоторых привело в выводу о том, что речь идет о языке на основе трех наречий, но в конце был кодифицирован общенациональный язык на новоштокавской основе (микроуровень) с заимствованиями из других диалектов, которые вошли в стандартный язык по тем же законам, что и заимствования из иностранных языков, и были освоены согласно нормам стандартного языка.

Когда мы видим это богатство синонимичных рядов в истории хорватского литературного языка, оправданно возникает вопрос, возможно ли существование синонимичных лексических и грамматических рядов из разных диалектов признать языковой нормой, когда известно, что норма – это именно выбор из существующих возможностей. Есть два главных аргумента в пользу того, что речь идет о языковой норме. Первый аргумент основывается на том факте, что грамматическая и лексическая синонимия была характерна для хорватского литературного языка на протяжении всей его истории, и поэтому, будучи постоянной чертой, становится нормой. Вторым аргументом является то, что и сегодня существуют, правда другого происхождения, синонимичные формы, например, дат.п., ед.ч. *snagi/snazi*, род.п., мн.ч. *naranača, naranča, naranči*, аорист *htjedoh/htjeh/hotjeh* и т.д. О лексической синонимии и не говорится, по крайней мере при комбинации заимствованных и исконных слов. Раньше у писателей органическая основа литературного языка была просто шире, чем мы понимаем ее сегодня. Вопреки этому, в словарях есть достаточно показателей, которые указывают на то, что их авторы предпринимали попытку нормирования, делая отсылку от неверного слова к верному⁶⁰. Например, *čmela* см. *pčela*, *kreč* см. *varno*, *jeđup* см. *cigan*, *gvožđe* см. *železo* (Belostenec 1742); *cerussa belilo, belnica* (vulgo: *plajbas*), *lima pila* (turpija vox est turcica) (Patačić s. a.); *kopitec*, *Hab.*⁶¹, см. *kopito*; *lupaoc*, см. *lupalac*⁶²; *vura* см. *ura*, *sojuz bolje svez*, *aldov* см. *žrtva*⁶³; *akov* см. *vjedro*, *škver* vulg. см. *brodarnica*, *štenge* vulg. см. *shodići, špilja* см. *spilja*⁶⁴.

Предоставляя своим читателям возможность выбора и позволяя им руководствоваться собственными чувствами и интуицией, кайкавские лингвисты нормируют литературный язык на кайкавской основе с некайкавскими элементами, писатели озальского круга вокруг Зринских и Франкопанов формируют даже гибридный язык с элементами трех наречий, Йосип Юрин нормирует язык на штокавской основе с элементами чакавского наречия. Бартол Кашич, отец хорватской грамматики, начал со своего родного чакавского, а закончил на штокавском, выбрав его для *общего языка* в своем труде

⁶⁰ *Tafra B.* Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja.

⁶¹ Из словаря Габделича.

⁶² *Stulli J.* Rječnoslojje slovinsko-italijansko-latinsko. Dubrovnik, 1806.

⁶³ *Danica ilirska.* 1835–1849. Pretisak. Zagreb: Liber, 1972.

⁶⁴ *Šulek B.* Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja, I–II. Zagreb, 1874–1875.

Ritual rimski, который использовался в качестве литургического текста вплоть до XX века с сильным влиянием на течения стандартизации. Или другой пример. Павел Витезович начал писать по-чакавски (*Odiljenje sigetsko*), продолжил на кайкавском (*Kronika*), а закончил, приблизившись к штокавскому (*Priričnik*). Во всех этих трех случаях речь идет только об исходном идиоме с таким количеством дополнений из других идиомов, что Вончина (1988) с полным правом назвал эту литературно-языковую концепцию гибридной. Когда мы помним об этом, то становится понятно, почему Иван Белостенец в своем труде *Gazophylacium* использовал слова из всех трех наречий. После, когда во время национального возрождения литературный язык на штокавской основе стал общенациональным, традиция лексического взаимодействия между диалектами осталась, но была выражена слабее, чем прежде. Август Шеноа объяснил это следующим образом: «Мы думаем, что основа литературного языка штокавская и его нужно пополнять словами из кайкавского и чакавского наречия, если те слова по своему корню понятны и штокавцам и если в штокавском для обозначения какого-то понятия нет слова или есть только иностранное»⁶⁵.

Динамичность синонимических связей можно увидеть в любой период. До 90-х годов прошлого века лингвистическая терминология не включала синонимы, в большинстве случаев употреблялись заимствования, но с 90-х годов ситуация изменилась, так как были восстановлены исконные названия предыдущих эпох, XIX века, поэтому сейчас достаточно равноправно употребляются заимствования и исконные слова: *gramatika, slovnica* ‘грамматика’; *morfologija, oblikoslovlje* ‘морфология’; *palatali, nepčanici* ‘палатальные’; *dentali, zubnici* ‘зубные’ и т.д. В военной терминологии протекал другой процесс. Возрожденные исконные термины вообще не вступили в синонимические связи с прежними, так как они сразу же отошли к пассивному слою, и поэтому сегодня, не образуя синонимической пары, используются слова *časnik* ‘сотник’, *satnik* ‘сотник’, *vojarna* ‘казарма’, *stožer* ‘столб в центре гумна’, а слова *oficir* ‘офицер’, *kapetan* ‘капитан’, *kasarna* ‘казарма’, *štab* ‘штаб’ не употребляются. Из этого можно сделать вывод, что в каждый период есть свои синонимические ряды и что они не заданы навсегда, так как со временем некоторые из них возникают, а некоторые – утрачиваются.

4. Десинонимизация

Наибольшие разногласия в толковании лексических связей в лингвистической литературе существуют в связи с паронимией. К этому следует добавить, что из всех лингвистических связей паронимия наименее изучена и в лингвистических статьях, и в книгах, которые в своем названии содержат слово *лексикология*. Паронимия стала изучаться достаточно поздно и, прежде всего, в связи с изучением языка, а только потом – как системная лексическая связь. В лексикологии все еще нет общепринятого определения паронимии, не существует ни установленного названия для этой лексической связи, характеризующейся словообразовательным сходством и разной семантикой. Филипец и Чермак⁶⁶ паронимами считают близкие по звучанию и графике слова, связанные только близостью выражения, как, например, чеш. *etický* и *etnický*, *siný* и

⁶⁵ Vince Z. Putovima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1978.

⁶⁶ Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Praha: Academia. Československá akademie věd, 1985.

sivú. Згуста (1991) утверждает, что термин *паронимы* традиционно используется для слов, близких по форме, но несовпадающих по значению, например, итал. *traduttore* «переводчик» и *traditore* «изменник».

Под паронимией понимаются различные явления в языке и даже между языками. Нашему пониманию паронимии очень близко понимание Вишняковой⁶⁷. Согласно трем основным критериям, которые мы привели во второй главе, значимым для всех лексико-семантических связей, паронимы должны принадлежать одной словообразовательной семье, из-за чего они имеют частично совпадающую фонологическую и семантическую структуру, и именно из-за этого сходства у них есть потенциал к замещению. Следовательно, паронимами являются однокоренные слова, принадлежащие к одному лексико-грамматическому и лексико-семантическому разряду, близкие по форме и содержанию и взаимоисключаемые в одном контексте. В хорватском языке паронимы часто появляются путем десинонимизации однокоренных синонимов с целью разгрузить их многозначность и дать наименование каждому понятию. Таким образом возникли многие пары паронимов: *rodni* // *rodovni*, *lisni* // *listovni*, *vršni* // *vrhovni*, *knjižni* // *književni*, *vodni* // *vodeni*, *drvni* // *drveni*, *brojni* // *brojevni*, *stručni* // *strukovni*, *maseni* // *masovni*, *davalac* // *davatelj*, *slušač* // *slušatelj*, *čitač* // *čitatelj* и т.д. Относительные прилагательные имеют такое же значение: «относящиеся к i' (существительное, от которого они образованы), а существительные обозначают исполнителя действия, но в этих примерах каждая пара содержит только часть семантического содержания мотивирующего слова. Существительные на *-ač* и *-telj* в основном имеют одинаковое значение, это создает богатый резерв синонимов – кандидатов для десинонимизации – ради терминологических потребностей. Так слова *istraživač* и *istražitelj* «исследователь» по отношению к мотивирующему слову имеют одно и то же значение: «человек, который исследует», но с учетом того, на что они указывают в действительности, каждое из них получило новое значение, которое можно продемонстрировать следующими формами: «человек, который умеет исследовать» (*znanstveni istraživači* «исследователь»; *istraživači Sjevernoga pola* «исследователи Северного полюса»; *kad prohoda, dijete je pravi istraživač svoje okolice* «когда ребенок начинает ходить, он настоящий исследователь своей окрестности») и «человек, профессией которого является исследование» (*suciiistražitelji* «следователь»). Точно так же разграничение произошло и в паре *slušač* // *slušatelj* «слушатель». *Slušač* теперь не только «человек, который слушает», но и «человек, в профессию которого входит слушать, студент». В то время как в Словаре JAZU⁶⁸ (кн. XV: 624–625, 629) представлено шесть синонимов: *slušač*, *slušalac*, *slušar*, *slušatelj*, *slušatnik* и *slušavac*, сегодня употребляются только два синонима *slušalac* и *slušatelj*, из которых слову *slušatelj* отдается предпочтение и в паронимической связи со словом *slušač*. Некоторые синонимические суффиксы часто расподобляются так, что один член пары «специализируется» только на одном разряде значений. Так, с помощью суффикса *-telj* образуются *nomina agentis*, а с помощью суффикса *-ač* могут образовываться и *nomina agentis*, и *nomina instrumenti*, например, *crtáč* «чертежник», *čitač* «читатель», *klizač* «конькобежец», *upravljáč* «управляющий», поэтому возможен резерв для терми-

⁶⁷ Вишнякова О.В. Паронимы современного русского языка. Москва: Русский язык, 1981; она же. Словарь паронимов русского языка. Москва: Русский язык, 1984.

⁶⁸ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.

нологизации *nomina instrumenti*, а тем самым и для паронимизации *snimač // snimatelj* ‘оператор’, *pretraživač // pretražitelj* ‘исследователь’.

Десинонимизация является диахроническим процессом и не происходит в одночасье. Некоторое время члены пар употребляются и как синонимы, и как паронимы до тех пор, пока не завершится процесс расподобления. Причина десинонимизации часто бывает внеязыковой, например, с появлением компьютерных технологий появляется необходимость в терминах, поэтому разграничение синонимических пар началось по признаку одушевленное–неодушевленное: *snimatelj // snimač*, ‘оператор’ // ‘записывающее устройство’ *pretražitelj // pretraživač* ‘исследователь’ // ‘браузер’ и т.д.

На одном примере мы покажем исторический путь развития паронимов, который характерен и для других славянских языков. Например, в русском языке в XIX веке прилагательные типа *покорный* и *покорливый* (хорв. *pokoran* и *pokorljiv*) были синонимами, а в современном языке эта пара является паронимами, первый член пары используется для обозначения пассивного свойства, а другой – для обозначения активного. Так и в хорватском языке в XIX веке, а частично и в XX веке, существительные типа *matematik* и *matematičar* были синонимами, но со временем норма отдала предпочтение существительным на *-ar*, а меньшая часть синонимических пар десинонимизировалась, поэтому в современном языке эти существительные являются паронимами.

В хорватском языке при образовании *nomina agentis* до недавнего времени использовался и суффикс *-ik*. Чаще всего такие существительные образовывались от существительных греко-латинского происхождения, которые обычно заканчивались суффиксом *-ika*, а также и другими: *atletika, gramatika, mehanika, tehnika, lirika, kronika, politika, fizika, kemija, magija, satira ...*

В хорватском языке есть два суффикса *-ik*. Один из них праславянского происхождения (*brezik, zakonik*), а другой появился из латинского *-icus* или греческого *-ικος* (*fizik, lirik*). Нас интересует второй суффикс иностранного происхождения. Подтверждение факта существования слов, обозначающих лиц, которые занимаются отдельными видами человеческой деятельности, находим в тот период времени, когда эти виды деятельности появляются, очень часто в двуязычной и многоязычной лексикографии они употребляются при внесении хорватских эквивалентов иностранных слов. Так как ученые занимались грамматикой с давних времен, названия для лиц подобной профессии также являются очень древними. Согласно Словарю JAZU (см. *gramatik*) уже в XV веке есть подтверждение употребления слова *gramatik* (греч. *γραμματικός*) в значении ‘писарь’. В значении ‘тот, кто занимается грамматикой’ это слово появляется с XVI века. Также рано появляются существительные *matematik* ‘математик’, *muzik* ‘музыкант’, *historik* ‘историк’. Но больше всего подобных слов обнаруживается в XIX веке, что вполне понятно, учитывая развитие новых наук и количество новых слов, которые тогда появляются. В XIX веке при образовании таких существительных возникает новый суффикс. С исторической точки зрения аффикс *-ičar* возникает от вышеупомянутых суффиксов *-ik* и *-jar* (от лат. *-arius*): *botaničar* ‘ботаник’, *muzičar* ‘музыкант’, *političar* ‘политик’... Интересна судьба двух этих словообразовательных дублетов. Лингвисты расходились во мнении по вопросу их нормирования. В начале XX века одни отдавали предпочтение существительным *botanik, kritik*, а другие их отрицали,

считая, что с помощью аффикса *-ik* создаются дериваты от существительных, обозначающих деревья: *kestenik* ‘каштан’, *borik* ‘сосна’, *šljivik* ‘слива’, а с помощью аффикса *-ar (-jar)* всегда образуются существительные, обозначающие человека, который чем-либо занимается. Кроме того, у вторых была причина выступить против суффикса *-ik*, так как именительный падеж множественного числа таких существительных как *botanici* ‘ботаники’, *politici* ‘политики’ совпадает с дательным и предложным падежом единственного числа существительных *botanika* ‘ботаника’, *politika* ‘политика’. Маретич⁶⁹, в отличие от этих лингвистов, делает выбор в пользу *botanik, gramatik*, «как не только Вук и Даничич писали, но и все наши писатели ..., как пишут и говорят все другие славяне». Но в дальнейшем мнения лингвистов расходились, поэтому и в 1941 году предпочтение отдается существительным *botanik, lirik, kemik*, а это значит, что оба типа дублетов употребляются как синонимы и что это был только вопрос времени, когда одна из этих возможностей будет нормирована. После Второй мировой войны все меньше упоминаются существительные на *-ik*. Интересно, что в XX веке эту проблему решали в Орфографиях. Так, Орфография двух Матиц 1960 года (с. 44) содержит определение: «Наряду с суффиксом [*-ičar*. – Б. Т.] в этом же значении употребляется и более короткий суффикс *-ik*, т.е.: *liričar* и *lirik*, но иногда бывают и разные значения: *fizičar* (‘тот, кто занимается физикой’) и *fizik* наряду с *fizikus* (‘городской врач’)). О том, что и после Второй мировой войны еще были люди, которые под влиянием классического образования предпочитали краткое словообразование, более близкое языку носителей, свидетельствует и Скок⁷⁰ (см. *-ičar*): «Пуристы требуют, чтобы вместо *-ičar* в словах иностранного происхождения всегда употреблялся *-ik*: *satirik, lirik, kritik, empirik*». Вопреки этому требованию нормой стали формы на *-ar*. Причины кроются, прежде всего, в самом образовании форм. С современной точки зрения дериват *botanik* приравнен к своей формообразующей основе (*botanik + a*). В образовании существительных, обозначающих исполнителя действия, самым частотным является именно суффикс *-ar*, или *-jar*, который меняет конечный согласный основы: *kritik + jar > kritičar*. Так как существительное *botaničar* и т.п. вписывается в формообразующие образцы хорватского словообразования лучше, чем существительное *botanik*, то и норма отдала им предпочтение. Этим облегчалось и словообразование парных наименований для лиц женского пола: *botaničarka, gramatičarka, političarka*. При образовании этих форм удалось избежать двойственности, так как из-за звуковых изменений многие формы существительных *botanik* и *botanika* совпадают. Так, в примере *s botanikom sam raščistio* не вполне ясно, идет ли речь о человеке или о науке. Прежнее словообразование с помощью суффикса *-ik* не утратилось. Оно осталось как ограниченное стилистическое средство (*naši mladi lirici*), а в некоторых примерах служит для разграничения заимствований по значению, т.е. для паронимизации: *fizik // fizičar, akademik // akademičar, klasik // klasičar*, а также для разграничения по значению исконных слов: *dionik // dioničar*.

⁶⁹ Maretić T. Hrvatski ili srpski jezični savjetnik. Zagreb: JAZU, 1924. S. 193.

⁷⁰ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3. Zagreb: JAZU, 1973.

5. Границы омонимии

Сначала напомним о том, что помимо трех основных критериев, приведенных во второй главе, омонимы должны быть тождественными⁷¹ по форме (в хорватском это омофонные омографы) и у них не должно быть ни одной общей семы. Несмотря на то что это вполне понятно, часто омонимами называют слова, возникшие путем конверсии, хотя они и принадлежат разным лексико-грамматическим разрядам, а также, учитывая их принадлежность к одной словообразовательной семье, семантически совпадают. Таким образом, главным условием для осуществления какой-либо лексико-семантической связи, в том числе и омонимической, является принадлежность к одной части речи. Поэтому лексемы типа *dobro* ‘добро, благо’ (существительное) и *dobro* ‘хорошо’ (наречие) являются не синонимами, а омографами. Как и в случае синонимии, нередко говорится о полных и частичных омонимах, полных и неполных и т.п. Мы считаем, что для лексико-семантических связей в языке необходимо определить критерии, согласно которым две лексемы будут или не будут являться омонимами, синонимами, антонимами и т.д., хотя «поиски “критериев” для распознавания различных языковых объектов ... красноречивее, чем что-либо другое»⁷². Критерии необходимы для того, чтобы вообще можно было определить границы «языковых объектов» (слова, предложения, омонима, фраземы и т.д.). При определении границ, ключевую роль играет семантическое ядро каждой лексемы, так что ее семантическая периферия в актуальной семантической реализации может внести определенное различие с учетом других лексем, с которыми она находится в некоторой семантической связи. Критерии для определения омонимов установить проще, чем для синонимов, так как омонимы взаимоисключают друг друга в одном контексте, в то время как взаимозамещаемость синонимов является основой их классификации, а также главным предметом споров лингвистов. Тем не менее, вечная проблема разграничения омонимии от полисемии все же остается⁷³.

Так как в хорватском языке омонимы имеют одинаковую форму только в случае омографов и омофонов, а в прошлом в словарях обычно ударений не было, не всегда легко понять, действительно ли речь идет об омонимах. Иногда ударения все же присутствуют, но непоследовательно, а кроме того, тремя знаками ударения (акут, циркумфлекс и гравис) вплоть до середины XIX века обозначались различные системы ударений, и они имели иную просодическую ценность, чем те же самые знаки сегодня. Среди немногих авторов, которые занимались омонимией именно в хорватских словарях, был Шипка⁷⁴. Однако он очень широко понимает омонимию, где в одном ряду находятся и омофоны, и омографы, и омоформы. При таком широком понимании омонимии он нашел доказательства того, что в своих двуязычных и многоязычных словарях Фауст

⁷¹ К сожалению, лингвисты часто употребляют *такие же (iste)*, а необходимо *одинаковые (jednake)* выражения, так как *таким же (isto)* является только то, что тождественно само себе, а когда речь идет о двух лексемах, то их выражения являются *одинаковыми*. Точно так же иногда забывают о том, что в хорватском языке ударения выполняют различительную функцию, отчего *lúk* и *lùk* не являются омонимами.

⁷² Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 184.

⁷³ Tafra B. Razgraničavanje homonimije i polisemije (leksikološki i leksikografski problem) // Filologija. 1986. № 14. S. 381–393.

⁷⁴ Šipka D. Homonimija i polisemija u Vrančićevom. Habeličevom i Della Bellinom rječniku // Leksikografija i leksikologija. Sarajevo: ANUBiH. Posebna izdanja knjiga LXXXV, 1988. S. 155–164.

Вранчич (1595), Юрай Габделич (1670) и Арделио Делла Белла (1728)⁷⁵ различали омонимию и полисемию. Точно так же широко омонимия понималась в транскрипции трехязычного словаря *Blaga jezika slovinskoga* Якова Микаля (1651)⁷⁶, первого хорватского словаря, где хорватский язык был исходным. В нем⁷⁷ проанализированы в качестве омонимов слова (пронумерованные заглавные лексемы), которые ими не являются и которые Микаля различал по ударению: *pàs* ‘собака’ (*pàs* ‘domaća životinja’ ‘домашнее животное’), *pás* ‘пояс’ (*pás* ‘remen’ ‘пояс, ремень’); *lùk* ‘лук’ (*lùk* ‘vrsta povrća’ ‘овощ’), *lúk* ‘лук’ (*lúk* ‘zaobljena naprava za izbacivanje strijela’ ‘устройство закругленной формы для выбрасывания стрел’).

В ранних словарях более успешным разграничением омонимии и полисемии можно считать представление «омонимов в двух словарных статьях, т.е. нумерацию значений под одним заглавным словом при обработке полисемии. При особых заглавных словах у омонимов мы не будем требовать и нумерации тех заглавных слов, как это принято в современной лексикографии»⁷⁸. Петра Кошутар после исследования словаря XVIII века пришла к выводу, что Делла Белла хорошо распознавал омонимы, так как он обозначал их двумя разными заглавными словами. Родным языком для него был итальянский, поэтому различение омонимии и полисемии может быть и влиянием итальянских словарей, которыми он пользовался. Родным языком для Ивана Белостенца был латинский, и у него было достаточное количество словарей, образцов, которые он использовал, но при этом выделял омонимы не так хорошо, как Делла Белла, что ярко показывает одна его словарная статья: *ius*, *iuris*, хотя речь идет о двух омонимах: *ius*¹ ‘право, закон’ и *ius*² ‘суп’. Структура словарной статьи с семью значениями не раскрывает разницы между двумя словами. Но другой пример (*saltus*, *us*, *m.* ‘ples’, ‘skok’ ‘танец’, ‘прыжок’ и *saltus*, *us*, *m.* ‘lug’, ‘gaj’, ‘роща’) показывает образцовый анализ омонимов в двух словарных статьях⁷⁹. Невозможно сделать вывод о том, почему Белостенец описывал омонимы по-разному. Предположительно, существовал пропуск в латинском словаре, который был для него источником латинского слова, или же это было упущением автора.

В других словарях под одним заглавным словом нумерацией разграничены полисемия и омонимия, что можно считать началом лексикографического оформления омонимии и полисемии. Кошутар приводит примеры из четырехязычного *Lexicon*’а Андрея Ямбрешича (1742), где омонимы пронумерованы в одной словарной статье, например, *ius* 1. правда, право, 2. область, 3. суп, чорба. После анализа нескольких хорватских словарей XVIII века, а также европейских, которые были лексикографическими образцами и источниками, как например, *Dizionario degli Accademici della Crusca* или разные переработки словарей Калепина, она пришла к выводу, что «произведения, которые принадлежат итальянской лексикографии, регулярно обозначают

⁷⁵ Della Bella A. Dizionario italiano, latino, illirico. Venecija, 1728.

⁷⁶ Mikalja J. Blago jezika slovinskoga. Loretto. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.

⁷⁷ Gabrić-Bagarić D., Horvat M., Lovrić Jović I., Perić Gavrančić S. Jakov Mikalja. Blago jezika slovinskoga (1649./1651.). Transkripcija i leksikografska interpretacija. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2011.

⁷⁸ Košutar P. Hrvatsko jezikoslovlje 18. stoljeća u suodnosu s hrvatskim. Doktorski rad. Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 2013.

⁷⁹ Ibid.

омонимы двумя заглавными словами, независимо от года издания. Следовательно, и издания, которые вышли в XVII веке, точно так же дают омонимы в виде двух заглавных слов, как и издания XVIII века». Поэтому в хорватских словарях, опирающихся на итальянскую лексикографию, хорошо различается, что является одним словом, а что представляет собой два одинаковых по форме слова.

Здесь мы не будем дальше исследовать металексикографические достижения хорватской лексикографии, но на примере двух пар омонимов покажем диахроническое развитие омонимии в хорватском языке и влияние просодии на омонимию. Известно, что *luk* ‘овощ’ и *luk* ‘устройство закругленной формы для выбрасывания стрел’ в русском языке являются омонимами, в то время как в хорватском языке *lùk* и *lûk* таковыми не являются, так как ударение выполняет различительную функцию. Мы не считаем их квазиомонимами, даже учитывая тот факт, что в хорватском языке ударения не пишутся. В данном случае это только омографы, которые из-за разницы в ударении не являются тождественными по значению.

Сегодня в хорватском стандартном языке *sûd*¹ 1. ‘суд’, 2. ‘мнение’ и *sûd*² ‘посудина, сосуд’, *lûg*¹ ‘роща’ и *lûg*² ‘пепел’ являются омонимами. Если настаивать на том, что все формы лексем должны быть одинаковыми для того, чтобы эти две лексеммы были омонимами, тогда данные пары не могут удовлетворять этому критерию, так как не все падежные формы имеют одинаковое ударение. Мы считаем, что эти малые отличия могут нейтрализовываться, так как в словарях в качестве заглавного слова появляются канонические формы, которые в этом случае являются одинаковыми.

Когда Делла Белла (с. 3) отмечает эти пары односложных слов с разными ударениями в именительном и родительном падеже: *sûd*, *giudizio*, *sûda*; *sûd*, *vaso*, *sûda*; *lûg*, *senegè*, *lûga*; *lûg*, *bosco*, *lûga*⁸⁰, тогда они не являются омонимами, так как здесь речь идет о прежней акцентологической системе с новым акутом и с исконным долгим нисходящим ударением: *sûd* и *sûd*, *lûg* и *lûg*. Эти примеры позже использовал Матия Антун Релькович (1767)⁸¹, который мог в своей речи иметь посавский новый акут, но и у него это еще не омонимы. Эти слова являются омонимами у Микали (1651), хотя его словарь и старше, так как Микаля писал «на боснийском языке», т.е. на штокавском, поэтому и отметил долгое нисходящее ударение в обоих словах *sûd* (у него *sûd*). Омнимическая связь, следовательно, зависела от диалектной основы языка отдельного писателя. Делла Белла и Релькович отмечают систему с тремя ударениями и новым акутом. Первый делал это под возможным влиянием чакавского, а второй – под влиянием посавских староштокавских говоров. Это является диалектологической причиной, и тогда возникает вопрос, откуда в XIX веке появляется новый акут, например, в *Сборнике* в конце первого года выпуска *Даницы* (1835) или в словаре Йосипа Дробнича (1849)⁸². Из-за этого, кроме диалектологических причин, мы добавили и возможные лексико-лексикографические, так как совсем не понятно, как произошло так, что эти пары по ударению оказались различными в словаре Дробнича, когда над ним работал Антон Мажурич, выдающийся акцентолог, который описал новоштоковскую акцентологическую систему тщательнее, чем кто-либо другой в то время.

⁸⁰ Делла Белла использует такие знаки ударения.

⁸¹ *Reljković M. A. Nova slavonska i nimačka grammatika. Zagreb, 1767.*

⁸² *Drobnic J. Ilirsko-němačko-talianski mali rěčnik. Beč: Matica ilirska, 1846–1849.*

Иначе говоря, односложные пары слов, отмеченные разными ударениями, присутствуют и в словарях, и в грамматиках XIX века, т.е. в произведениях, в которых не ожидается появление новоштокавских ударений. В середине XIX века была кодифицирована новоштокавская акцентологическая система, которую очень хорошо описал Антон Мажуранич в своем труде *Slovnica hrvatska* (1859), используя при этом четыре знака. До него Шиме Старчевич в грамматике (1812)⁸³ также описал ее довольно успешно⁸⁴, но используя три знака. После этого разные ударения в приведенных примерах ожидать не следовало бы, так как они приравнены в литературном языке: односложные слова имеют долгое нисходящее ударение и являются омонимами. Сейчас должна была бы возникнуть проблема, как обозначить омонимы с учетом того, что они и звучат, и пишутся одинаково: *lûg* ‘пепел’ и *lûg* ‘роща’. Мажуранич⁸⁵ знал, что долгое нисходящее ударение (*oštri*) может быть двух видов: оригинальное, первичное (у него *dár*), которое уже в чакавском было таким, и второе, более новое, вторичное, которое утратилось в чакавском (у него *kráj*, *píšem*). На основе ударений можно сделать вывод о том, что одни авторы отмечали новый акут, чакавский или посавский, но при этом следует предположить, что некоторые перенимали у прежних авторов акцентированные примеры, чтобы обозначить омонимы, для которых не было определенной системы обозначений. Вплоть до национального возрождения существовала практика обозначения долгих слогов удвоенными гласными, а кратких – удвоенными согласными. Так мог выглядеть способ выделения на письме омонимов, что было бы возможным объяснением хотя бы некоторых знаков у новоштокавских⁸⁶ омонимов: *sud*¹, *sud*² и *lug*¹, *lug*².

Принимая во внимание тот факт, что у Мажуранича в Загребе не было никого, кто бы хорошо знал и чакавскую, и штокавскую акцентуацию, он не мог никого спросить и, по его признанию⁸⁷, вынужден был верить печатным книгам таких писателей, как Делла Белла, Стулли и «главным образом, – Караджич». Ему помогал и Даничич своими трудами. Для того чтобы оставить разные ударения в заглавных словах *lug* и *sud*, он мог найти подтверждение, которое дает только Делла Белла, так как у остальных эти различия не представлены. У Стулли есть только одна словарная статья с обозначением долготы: *sûd*, а у Караджича, который был новоштокавцем, обе омонимичные формы в именительном падеже имели одно и то же ударение, а в родительном падеже – разное.

К выводу о влиянии литературы и об осознании новоштокавской основы общего литературного языка добавляется тот факт, что во время публикации словаря Дробнича была полностью закреплена новоштокавская норма, за исключением несинкретических падежей множественного числа. Поэтому кажется невозможным, чтобы Антон Мажуранич и Векослав Бабукич, главные кодификаторы языка в то время, работая над словарем, оставили чакавское или, возможно, посавское ударение. В этом нас убежда-

⁸³ *Starčević Š. Nòvâ riscòslovica iliricska*. Trst. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002.

⁸⁴ Такой же вывод сделал и Трубецкой (*Трубецкой Н.С. Основы фонологии*. М.: Наука, 1960. С. 220).

⁸⁵ *Mažuranić A. Slovnica Hèrvatska: za gimnazije i realne škole*. Zagreb, 1859. S. 12.

⁸⁶ В чакавском, где новый акут и долгое нисходящее ударение являются разными ударениями, речь вообще не идет об омонимах.

⁸⁷ *Mažuranić A. Slovnica Hèrvatska: za gimnazije i realne škole*. S. V.

ет и *Ilirska slovnica* Бабукича⁸⁸, где нет различительных форм именительного падежа, а только родительного, из которых видно, что долгое нисходящее ударение имеет двойное происхождение: «*sûda* (род.п., ед.ч. *posuda*) и *sûda* (от *sûditi*, *judicare*)». Мажуранич⁸⁹ именно на этом примере разъяснил переход ударения на проклитику в чакавском и штокавском наречии. Чакавское и штокавское ударение совпадают в винительном падеже, если исконным является нисходящее ударение: *nà sūd* ('*posuda*'), а когда исконным является новое ударение, в чакавском ударение на проклитику не переходит: *na sūd*⁹⁰, в то время как в штокавском процесс перехода ударения ослаблен: *nà sūd*. Это является доказательством различного происхождения долгого нисходящего ударения в новоштокавской акцентологической системе. Данная разница в ударении появилась в ходе исторического развития просодии, а не в результате «замены акцентуации», с помощью которой избегается «омонимический конфликт»⁹¹. Путем изменения ударения в языке становится возможной деполисемизация. Деполисемизация – долгий процесс, в ходе которого появляются омонимы. Однако результат деполисемизации может быть двух видов:

а) деполисемизация = омонимизация (*park*¹ '*perivoj*' ('сад'), *park*² '*sva vozila nekoga produzeća*' ('весь транспорт некоего предприятия'))

б) деполисемизация ≠ омонимизация (*pečēnje* и *pečēnje* 'печенье, жарение' и 'жареное мясо', *kràvetina* и *kravětina* 'корова').

В первом случае разрываются семантические связи между двумя значениями, каждое слово входит в другую словообразовательную семью, и поэтому они считаются омонимами. Во втором случае ударение сыграло роль словообразовательного средства, и поэтому от глагольного существительного образовались две лексемы, которые обозначают действие и результат этого действия, а в другом примере расподобление аугментатива произошло по признаку одушевленности, и поэтому *kràvetina* значит 'коровье мясо', а *kravětina* – пренебрежительно 'женщина'.

В диахронии за омонимией можно наблюдать двумя способами:

а) как лингвисты понимали и описывали омонимию;

б) как возникла омонимия.

Мы видели, что лингвисты очень хорошо различали, когда несколько значений принадлежат одному слову, а когда – двум, но мы также видели, что просодия играет большую роль как внутри одного языка, так и между языками. Будут ли слова *sud* и *sud* омонимами или нет, зависит от того, о каком хорватском идиоме мы говорим и в какой период его рассматриваем, а будут ли омонимами слова *luk* и *luk*, зависит от того, о каком языке идет речь, о хорватском или русском.

6. Заключение

Несмотря на то что каждая лексико-семантическая связь в лексикологии выявляет бесконечное множество различных мнений, нами были установлены критерии как для диахронии, так и для синхронии, но параметры при этом неоднородны. Так, остается

⁸⁸ *Babukić V.* Ilirska slovnica. Zagreb, 1854. S. 33.

⁸⁹ *Mažuranić A.* Slovnica Hèrvatska: za gimnazije i realne škole. S. 24.

⁹⁰ Современное обозначение: *na sūd*.

⁹¹ *Šipka D.* Leksička homonimija. Sarajevo: Institut za jezik, 1990. S. 146.

понятие «тождественный идиом», но с точки зрения диахронии его объем изменялся в течение времени, от писателя к писателю. В случае хорватского языка он охватывал весь хорватский язык, а у некоторых писателей, особенно у лексикографов (например, у Йоакима Стулли), также и другие славянские языки; не следует забывать и о том, что в некоторые периоды истории хорватского литературного языка считалось, что существует один славянский язык – иллирийский. Однако с точки зрения синхронии, учитывая то, что речь идет о нескольких литературных микроязыках, контакты следует рассматривать вне зависимости от того, идет ли речь об отношениях между хорватским и другими языками, или между тремя наречиями и их литературными стилизациями. Последствия этих контактов таким же образом отражаются в литературном языке. Так, у Анчица слова *đardin* или *vrtao* имеют статус заимствований, которые при нехватке терминологии, условно могут называться внешними и внутренними заимствованиями⁹². Точно так же и о диалектной основе литературного языка следует условно говорить для того, чтобы разграничить литературные идиомы ради более легкого описания. Она определяется согласно преобладанию языковых особенностей, а именно литературный язык был открыт влиянию не только других языков и диалектов, но и литературных произведений. Большинство этих произведений содержит лексику, которую следует рассматривать как пересечение исторических культурных контактов и литературно-языковых конвергентных сил, которые объединяли литературные выражения на различных диалектных основах и породили богатую общехорватскую лексическую синонимию, которую необходимо исследовать с точки зрения времени ее появления. Так, только до кодификации хорватского языка слова *tovar*, *oslac*, *magarac*; *ocat*, *kvasina*, *sirće* или *ča*, *kaj*, *što* можно считать синонимами в литературном языке того времени, в современном стандартном языке эти слова синонимами не являются, так как принадлежат различным идиомам. Точно так же между словами или формами, которые относятся к разным периодам, то есть между современными словами и архаизмами, синонимические связи отсутствуют, так как эти слова не относятся к одному временному отрезку. Для того чтобы вообще можно было говорить о лексической синонимии, слова, помимо тождественного значения, должны характеризоваться принадлежностью к одной части речи, одному идиому и одному периоду времени. У древнехорватских авторов два последних условия распространяются на хорватский литературный язык в качестве основного понятия для всех его вариантов и в синхронном, и в диахроническом плане, то есть на пространственное и историческое целое. Общехорватская синонимия выполняла следующие функции в истории:

а) интегрирующая литературно-языковая функция (создание наддиалектного культурного идиома);

б) пояснительная (объяснение носителям разных диалектов неизвестных слов).

Если бы сегодня была признана общехорватская синонимия, то была бы нарушена коммуникация в обществе. Достаточно упомянуть ситуацию, когда гость отеля выплатил денежный штраф, так как украл *pinjure*, *šugomane*, *pjate*, после чего он подавал жалобу, а в апелляционном суде его дело рассматривал судья, который был кайкавцем.

⁹² Учитывая тот факт, что нам известно, что заимствованиями являются слова из другого языка, названия иноязычные и одноязычные заимствования (*inojezične* и *istojezične posuđenice*) могли бы создать некую путаницу, хотя речь идет именно о них.

Стандартизованность какого-либо языка определяется согласно его кодификации, которая охватывает и лексику, в то время как междиалектная интерференция может, например, выполнять стилистическую функцию в литературе.

Многие писатели в предисловиях объясняли, почему они употребляют слова из более широкой области, чем это ожидается. Речь идет о почти совпадающих мнениях по поводу диалектных различий и территориальной распространенности, что мы проиллюстрируем цитатами.

«И если слово, которое ты найдешь, покажется тебе необычным, имей в виду, что наш язык по многим государствам разбросан, ведь где-то каким-то образом слова возникают; поэтому я хочу угодить не только одному государству, но многим» (“I ako rič ku najdeš ka polak tebe ne bi bila običajna, procini da jezik naš po mnogih državah, jest rastrkan, jer nigdi nikako, a nigdi nikako riči unašaju; zato se jednoj državi, nego i većim želim ugoditi”)⁹³. О подобном говорит в предисловии и Тадиянович (1761)⁹⁴: «Я включил в эту книгу достаточно слов, которые тебе будут казаться новыми и чужими, но они являются по-настоящему иллирийскими» (“Metnio sam ja u ovoj knjžici dosta riči koje će se tebi viditi kakono nove i tuđe, ali su one prave ilirske”).

Лексический фонд хорватского языка столетиями пополнялся самыми различными способами. В этом живом процессе лексико-семантические связи не были статичными, они со временем менялись. В этой работе мы попытались охватить часть этого динамичного процесса.

Перевод Е.В. Куренковой.

Литературу см. в конце оригинальной части.

⁹³ Glavinic 1628, в: *Vončina J. Analize starih hrvatskih pisaca*. Split: Čakavski sabor, 1977. S. 194.

⁹⁴ *Tadijanović B. Svaschta po mallo*. Magdeburg, 1761. Pretisak. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2012.